

П.И. ЧАЙКОВСКИЙ И Н.Г. РУБИНШТЕЙН: линии творческого соприкосновения

Т.Г. Мариупольская

Аннотация. В ракурсе рассмотрения данной статьи — деятельность двух представителей русского музыкального искусства: Н.Г. Рубинштейна — основателя Московской консерватории, организатора музыкальной жизни Москвы, выдающегося исполнителя-пианиста, дирижера, ансамблиста, педагога, и П.И. Чайковского, прославившего на весь мир русскую композиторскую школу. Этим двух музыкантов тесно связывали как творческие узы, так и проблемы организационного характера. Н.Г. Рубинштейн активно выступал в качестве пропагандиста музыки П.И. Чайковского. В свою очередь, на П.И. Чайковского-композитора оказывал влияние характер интерпретаций Н.Г. Рубинштейна — исполнителя его произведений. В статье описывается круг самых близких в творческом отношении людей, окружавших П.И. Чайковского и Н.Г. Рубинштейна. Рассматриваются особенности, которые характеризуют Н.Г. Рубинштейна как исполнителя и педагога. Отмечается вклад, который внесли Н.Г. Рубинштейн и П.И. Чайковский в развитие мировой музыкальной культуры.

Ключевые слова: Н.Г. Рубинштейн, П.И. Чайковский, музыкальная педагогика, музыкальное исполнительство, творческое взаимодействие, традиции.

Для цитирования: Мариупольская Т.Г. П.И. Чайковский и Н.Г. Рубинштейн: линии творческого соприкосновения // Преподаватель XXI век. 2021. № 2. Часть 1. С. 203–211. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-2-203-211

P.I. TCHAIKOVSKY AND N.G. RUBINSTEIN:
Threads of Creative Contact

203

Т.Г. Mariupolskaya

Abstract. Nikolai Rubinstein, the founder of the Moscow Conservatoire, the organizer of Moscow's musical life, an outstanding pianist performer, conductor, ensemble player, and teacher, and Piotr Ilyich Tchaikovsky, who made the Russian school of composition famous all over the world, are considered in the context of this article. These two musicians were closely connected by both creative ties and organizational problems. N.G. Rubinstein actively acted as a propagandist of the P.I. Tchaikovsky's music. In turn, P.I. Tchaikovsky, as a composer, was influenced by the nature of the N.G. Rubinstein's interpretations, who was a performer of his works. The article describes the circle of the closest (in creative terms) people who surrounded P.I. Tchaikovsky and N.G. Rubinstein. The features that characterize N.G. Rubinstein as a performer and teacher are considered. The contribution made by N.G. Rubinstein and P.I. Tchaikovsky to the development of world musical culture is noted.

© Мариупольская Т.Г., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *N.G. Rubinstein, P.I. Tchaikovsky, music pedagogy, musical performance, creative interaction, traditions.*

Cite as: Mariupolskaya T.G. P.I. Tchaikovsky and N.G. Rubinstein: Threads of Creative Contact. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 2, part 1, pp. 203–211. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-2-203-211

Открытие консерваторий в Москве и Петербурге в середине XIX века знаменует собой становление профессионального музыкального образования в России. В этих учебных заведениях впервые были осуществлены идеи всестороннего музыкального обучения и воспитания молодых музыкантов не на любительском, а на профессиональном уровне. Если основание Петербургской консерватории в 1862 году связано с именем Антона Григорьевича Рубинштейна, то Московская консерватория обязана своим открытием в 1866 году Николаю Григорьевичу Рубинштейну. Как руководитель главного учебного музыкального заведения в Москве, выросшего на базе организованного его братом — А.Г. Рубинштейном Русского музыкального общества, Н.Г. Рубинштейн был заинтересован в подборе консерваторских кадров и комплектации коллектива педагогов, которые могли бы обеспечить достойный уровень преподавания исполнительских и теоретических дисциплин. П.И. Чайковский, будучи в 1860-е годы начинающим композитором, закончившим только что Петербургскую консерваторию, где учился у Н. Зарембы и А.Г. Рубинштейна, был приглашен Н.Г. Рубинштейном в Московскую консерваторию и проработал в ней более десяти лет. Эти две выдающиеся личности — Н.Г. Рубинштейн и П.И. Чайковский стали знаковыми фигурами в истории мирового музыкального искусства. Оба они, один из которых талантливый организатор, исполнитель, педагог-пианист, другой — великий композитор,

сыграли важнейшую роль в становлении традиций русской исполнительской, педагогической и композиторской школы.

Известно, что исполнительская культура музыканта, если рассматривать этот феномен в историческом ракурсе, во многом связана с развитием искусства во всех его проявлениях, с изменением мировоззренческих и эстетических позиций создателей музыкальных сочинений, с исторической сменой стилистики композиторского письма, с развитием специфических композиторских приемов и, естественно, с особенностями творческого мышления музыканта. В свою очередь, и характер композиторских решений в определенной степени испытывает влияние отличительных черт искусства исполнителей — современников композитора, воплощающих в жизнь замыслы авторов сочинений. В этом отношении очень важным было взаимодействие творческих натур композитора П.И. Чайковского и замечательного музыканта-исполнителя — Н.Г. Рубинштейна. Характер интерпретаторских трактовок произведений Чайковского, отвечавших его внутренним представлениям, вдохновлял композитора и давал стимул для создания сочинений, идущих в русле понимания его художественных замыслов и соответствующих творческому почерку исполнителя — в данном случае Н.Г. Рубинштейна. Работая в одном учебном заведении, они контактировали между собой не только по проблемам художественного порядка, но и по вопросам чисто организационного характера. Не всегда их взгляды

совпадали, случались и моменты обострения отношений, но оба они чрезвычайно ценили музыкальные и профессиональные достоинства каждого из них.

И Н.Г. Рубинштейн, и П.И. Чайковский, который был на пять лет моложе Николая Григорьевича, первоначально готовились к юридической карьере. Н.Г. Рубинштейн учился на юридическом факультете Московского университета. Он часто говорил, что «всем своим умственным развитием обязан Московскому университету» [1, с. 10]. В этом учебном заведении формировалась личность Николая Григорьевича, расширялся его гуманитарный кругозор, впитывались идеи просветительства и гражданственности. Будучи членом литературно-артистического кружка, возглавляемого А.Н. Островским и Ап.А. Григорьевым, он оказался в кругу передовой русской интеллигенции, которых объединяла заинтересованность в демократических переменах в обществе того времени, а также острый интерес к русской культуре, «вчувствование» в нераспознанную глубину русской стихии [2, с. 58]. Те идеи, актерские и режиссерские подходы, которые он усвоил, будучи в среде артистов Малого театра, искавших жизненную, «сценическую правду», впоследствии во многом помогли ему осуществить многие оперные постановки в консерватории, в том числе совершенно новаторскую для своего времени оперу П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

П.И. Чайковский, в свою очередь, закончил с отличием Императорское училище правоведения в Петербурге, где близко общался с известным в будущем поэтом А.Н. Апухтиным, оказавшим влияние на литературные и ценностно-эстетические пристрастия молодого Петра Ильича. На слова Апухтина, которого порой называли «наследником Пушкина»,

Чайковский впоследствии написал такие замечательные романсы, как «День ли царит», «Забывать так скоро», «Ни отзыва, ни слова, ни привета» и др. Существует предположение, что увлечение друзьями творчеством Пушкина в какой-то мере послужило стимулом для создания оперы на сюжет «Евгения Онегина». После окончания училища Чайковский несколько лет проработал в Министерстве юстиции. С 1861 года посещал занятия А.Г. Рубинштейна при организованном им Русским Музыкальным Обществом, а в 1862 году стал студентом Санкт-Петербургской консерватории. По завершении обучения в консерватории был приглашен Николаем Григорьевичем во вновь открытую Московскую консерваторию вести занятия по гармонии, теории музыки и инструментовки и свободному сочинению. Петр Ильич читал лекции не только для специалистов-теоретиков, но и для исполнителей, которые часто не отличались особым рвением к изучению теории музыки. Тем не менее Чайковский предъявлял высокую требовательность ко всем учащимся. Один из учеников Чайковского — Р.В. Геника так писал о своем учителе: «Изложение Чайковского, его замечания, объяснения и поправки замечательно ясны, сжаты и удобопонятны. (...) Простота, ясность изложения, пластичность формы, прозрачность, легкость инструментовки были идеалами, к которым Чайковский заставлял стремиться своих учеников; различные правила он любил иллюстрировать ссылками на Глинку и Моцарта. В обращении с учениками Петр Ильич был удивительно мягок, деликатен и терпелив. (...) Невольные, иной раз саркастические и вполне заслуженные замечания никогда не выражались им в сколько-нибудь грубой или обидной форме» [3, с. 150]. В те годы, когда Чайковский работал в консерватории, он написал учебник

«Руководство к практическому изучению гармонии» и ряд программ по теоретическим предметам.

В круг близкого общения Чайковского с коллегами по консерватории входили Н.Д. Кашкин и Г.А. Ларош. Н.Д. Кашкин вел интенсивную музыкально-критическую деятельность, будучи рецензентом «Русских ведомостей» и, одновременно, автором, освещавшим хронику музыкальной жизни. В Московской консерватории он вел занятия по обязательному фортепиано, элементарной теории музыки, а также с 1875-го года читал курс истории музыки. Его отличала энциклопедичность знаний, многосторонняя эрудиция, тонкость восприятия, эмоциональное отношение к музыке. Он тесно сблизился как с Н.Г. Рубинштейном, так и с П.И. Чайковским. Ему принадлежат труды о композиторе, где он проявил себя как глубокий критик и мемуарист. Чрезвычайно ценил Н.Д. Кашкина, как замечательного педагога, музыканта и советника по всем вопросам, связанным с делами консерватории, и Н.Г. Рубинштейн.

Другой известный музыкальный критик, мемуарист, читавший в Московской консерватории курс лекций по истории музыки, близкий друг Чайковского — Г.А. Ларош, с которым он вместе учился в Петербургской консерватории. Герман Августович был обязан Чайковскому тем, что посвятил себя музыкально-научной и критической деятельности. Чайковский так писал о нем в письме к Н.Ф. фон Мекк: «Как критик он имеет много достоинств. Во-первых, он не узкий музыкант-специалист; он вообще человек, обладающий громадной массой сведений. Во-вторых, он превосходно пишет» [4, с. 224]. Кстати, замечал Петр Ильич, он в совершенстве владеет четырьмя языками. Г.А. Ларошу принадлежат многие

труды, в которых он глубоко исследует творчество Чайковского, а также освещает музыкальную жизнь России того времени. Именно он дает наиболее интересные, содержательные и яркие характеристики музыки Чайковского, исполнительского искусства Н.Г. Рубинштейна и творчества их современников.

П.И. Чайковский непосредственно и постоянно общался с Н.Г. Рубинштейном, и не только по профессиональным вопросам. Николай Григорьевич познакомил Петра Ильича с Л.Н. Толстым, устроив для него концерт из произведений композитора. *Andante* из первого квартета произвело такое сильное впечатление на Толстого, что он разрыдался. «Может быть, никогда в жизни я не был так польщен и тронут в своем авторском самолюбии, как когда Лев Толстой, слушая *Andante* моего квартета и сидя рядом со мной, залился слезами», — записал Чайковский в дневнике в 1886 году [5, с. 572].

Н.Г. Рубинштейн был замечательным исполнителем — пианистом, дирижером и ансамблистом. Его игра на фортепиано поражала современников своей «античной» совершенностью и законченностью. Известный в то время польский пианист К. Таузиг говорил, что если бы Николай Рубинштейн посвятил себя исполнительству, то ему и Антону Рубинштейну пришлось бы прекратить играть, так как они не могли бы с ним конкурировать. М.А. Балакирев, который посвятил свою фортепианную поэму «Исламей» Николаю Рубинштейну, считал его великим художником-виртуозом. В той же тональности Чайковский писал о Николае Рубинштейне в статье 1874-го года; «У г. Рубинштейна замечательно то равновесие различных виртуозных качеств, которое ставит его вместе со старшим братом во главе современных пианистов. Необыкновенная сила тона и размаха

умеряется удивительно мягким туше, порывистое вдохновение удерживается в пределах изящного глубоко объективным отношением к исполняемому; техника его стоит на высшей степени развития, но он не жертвует отделке и чистоте деталей высшей целью исполнителя — верной интерпретацией общей идеи исполняемого, словом, превосходная техника идет у него всегда об руку с художественностью и чувством меры» [6, с. 215].

По словам Г.А. Лароша, «самое сродное и близкое для себя содержание» Николай Григорьевич находил в музыке Шопена, Шумана, Чайковского. Он играл и «энергетически пропагандировал» почти все фортепианные сочинения Чайковского. Он удивительно адекватно ощущал духовную ауру композитора и умел передавать ее слушателям. Однако был случай, когда Н. Рубинштейн, познакомившись с Первым концертом для фортепиано Чайковского, вначале его не принял, заявив, что «играть концерт невозможно, что пассажи избыты, неуклюжи и так неловки, что их и поправлять нельзя...» [5, с. 173]. Чайковский с большой болью и обидой воспринял замечания Рубинштейна и отдал возможность впервые исполнить свое сочинение С.И. Танееву. Однако впоследствии Н. Рубинштейн изменил мнение о концерте и блестяще играл его на концертах. Г.А. Ларош говорил о «словно из бронзы вылитом могучем образе, который он придал Первому концерту автора. (...) Нужно быть великим поэтом, чтобы найти словесную форму, которая могла бы воссоздать впечатление этой изумительной игры!» [7, с. 51], — добавлял он.

Столь же ярко проявлялся творческий почерк артиста в его выступлениях в качестве дирижера. В Москве на протяжении двадцати лет с 1860 по 1881 годы он дирижировал большим количеством

концертов. П.И. Чайковский писал: «Наблюдая за дирижированием Н. Рубинштейна, я сравнивал его со всеми симфоническими капельмейстерами, которых на своем веку мне удалось видеть, и мысленно отдавал ему предпочтение перед ними, за исключением разве Вагнера. (...) Рубинштейн, ставящий трудные, новые симфонические сочинения в две репетиции и ставящий их так, что они исполняются, если не всегда безукоризненно, то всегда в уровень с художественными требованиями музыкально-развитой публики, — достаточно доказал нам в течение своей долголетней капельмейстерской деятельности, как он мудро и ловко умеет распоряжаться подчиненными ему оркестровыми силами. Что касается вдохновенности пылкости, художественности его оркестрового управления, то в этом отношении он артист такой же замечательный, как и в отношении его фортепианной виртуозности» [6, с. 259].

Важное место в программах симфонических концертов Н.Г. Рубинштейна занимали произведения русских композиторов, и практически все симфонические сочинения Чайковского были исполнены под его управлением. Он замечательно интерпретировал и исполнял «Франческа да Римини», Вторую и Четвертую симфонии, Первую сюиту. Наблюдая за совместной деятельностью композитора и исполнителя, Н.Д. Кашкин отмечал удивительное проникновение Рубинштейна в суть музыки Чайковского. «Между ними образовался род взаимодействия: исполнитель своим талантом влиял на композитора, а композитор в свою очередь полетом своего вдохновения воодушевлял исполнителя, так что они сроднились как-то в художественном отношении между собой, и Рубинштейн как бы сделался истолкователем и провозвестником идей Чайковского» [8, с. 43–44]. Можно

заметить также, что лирико-драматическое искусство Чайковского органично сочеталось с рубинштейновским «торжеством мыслящего духа, царящего в своей ясности над увлечением страсти и темперамента» [9].

Столь же успешными были выступления Н.Г. Рубинштейна в качестве ансамблиста. Он регулярно принимал участие в вечерах музыкального общества, выступая с исполнением фортепианно-камерных ансамблей Бетховена, Шуберга, Мендельсона, А.Г. Рубинштейна и других композиторов. Как и его старший брат — Антон Григорьевич Рубинштейн, Николай Григорьевич считал главной миссией исполнителя просветительство, силой своего творческого проникновения в суть исполняемого произведения приобщая слушателей к высокому искусству.

Высоко значимым было педагогическое искусство Николая Рубинштейна. Из его класса выходили музыканты, оснащенные секретами исполнительского мастерства. В своей работе с молодыми пианистами Н. Рубинштейн опирался на принцип отбора только высококачественного репертуара. Тщательная шлифовка деталей исполнения сочеталась с целостным охватом художественной сути произведения. Специальное внимание уделялось развитию техники пианиста. Используя в своем арсенале педагогических средств метод показа, он всегда индивидуально подходил к молодому музыканту, показывая те или иные детали исполнения, сообразуясь со способностями каждого из них. Также чрезвычайно важным для Рубинштейна-педагога было развитие самостоятельности ученика, определение им собственных решений для преодоления тех или иных трудностей. Особой была и атмосфера занятий в классе Н. Рубинштейна. Занимавшийся в его классе Э. Зауэр говорил о

«магнетической силе его личности, колоссальной педагогической пронизательности и, прежде всего, природной способности успешно передавать другим свои глубокие знания. (...) Тонкое чутье позволяло ему обнаружить слабые стороны каждого и находить способы для их преодоления. (...) Каждый талант получал индивидуальное развитие. Нет одного рецепта для всех» [10, с. 15]. Увлеченность, живость реакций, способность заразить своим эмоциональным отношением к исполняемому произведению — все это способствовало продвижению молодого музыканта по пути постижения музыкального искусства.

Н.Г. Рубинштейн был организатором и вдохновителем многих творческих проектов, которые он успешно реализовывал. Среди них — постановка спектаклей-опер в исполнении студенческой молодежи. П.И. Чайковский, написав оперу «Евгений Онегин», видел первое ее исполнение исключительно силами студентов Московской консерватории. Он писал Н.Ф. фон Мекк: «При той разумной постановке, превосходном ансамбле, которого Рубинштейн и Самарин добиваются на консерваторских спектаклях, я все-таки буду более удовлетворен консерваторией, чем исполнением моей оперы на большой сцене, хотя бы даже и в Петербурге» [5, с. 152]. Н.Г. Рубинштейн, как никто другой, смог почувствовать все тонкости интонационного языка новаторской оперы Чайковского, ее драматургию, реализм и психологическую достоверность художественных образов. Добиваясь сценической правды, Рубинштейн стал истинным реформатором в интерпретации оперных спектаклей, наметив пути, по которым в дальнейшем пошли К.С. Станиславский и Московский Художественный театр.

Большая эрудиция, гуманитарная образованность и огромные организаторские

способности Рубинштейна позволяли ему решать многие проблемы, связанные с обустройством консерватории, а также всей музыкальной жизни в Москве. Будучи прозорливым и дальновидным стратегом, тонким дипломатом, он, по словам Асафьева, «задал тон» всей московской музыкальной культуре.

Н.Г. Рубинштейн достойно представил русскую музыку на Парижской Всемирной выставке 1878 года. Первоначально планировалось, что представителем от России на выставку поедет П.И. Чайковский. Но в последний момент он отказался, и эту миссию пришлось выполнять Николаю Григорьевичу. На выставке проходило много мероприятий научного, промышленного и торгового характера, и Рубинштейну нужно было приложить немало усилий, чтобы пробудить у публики — парижан и приезжих — интерес к русской музыке, русской культуре. Он организовал рекламу, провел огромную предварительную подготовку общественного мнения, мнения видных парижских критиков к предстоящим дням русской музыкальной культуры. Важнейшее место в программах русских музыкантов заняла музыка Глинки и Чайковского, Первый концерт которого для фортепиано с оркестром был исполнен Н. Рубинштейном дважды. Успех концертов, проходивших в зале Трокадеро, был триумфальный. Французское правительство наградило Н.Г. Рубинштейна орденом Почетного легиона. Никогда так сильно, писал Г.А. Ларош, не обнаруживалась по отношению к Николаю Григорьевичу «та беспредельная любовь, тот энтузиазм, который он сумел возбудить во всех нас, во всей Москве, во всей России, а с нынешнего лета можно прибавить — во всем цивилизованном мире» [11, с. 179].

В 1881 году Н.Г. Рубинштейн скончался. П.И. Чайковский был потрясен его

смертью и спустя некоторое время написал Трио «Памяти великого художника» для фортепиано, скрипки и виолончели. Памяти Н.Г. Рубинштейна посвящена и кантата С.И. Танеева «Иоанн Дамаскин». И именно С.И. Танеев, любимый ученик Чайковского, которому композитор передал теоретические курсы, которые он вел в консерватории, считая Сергея Ивановича своим самым достойным преемником, стал после кончины Н.Г. Рубинштейна его главнейшим последователем не только по линии руководства консерваторией, в качестве директора которой он был с 1885 по 1889 годы, но и в плане общей тенденции, намеченной Николаем Григорьевичем в области обучения музыкально-исполнительскому искусству. Будучи учеником фортепианного класса Николая Григорьевича Рубинштейна, Танеев воспринял мировоззренческие и художественные взгляды своего учителя, усвоил основные принципы его педагогики, продолжая следовать заложенной им высокой образовательной и просветительской миссии музыканта-педагога. Она заключалась в том, чтобы, как говорил Николай Григорьевич, готовить не узких специалистов, а музыкантов «в обширнейшем смысле этого слова» [11, с. 105] и делать все возможное для того, чтобы студенты получали знания в области музыки и в то же самое время были широко развитыми, эрудированными личностями. Традиции, заложенные Н.Г. Рубинштейном — исполнительские и педагогические — через многие поколения музыкантов получили широкое распространение не только в России, но и во всем мире, продолжая оставаться актуальными и востребованными в настоящее время. То, что удалось совершить Н.Г. Рубинштейну в области музыкального образования, исполнительства и фортепианной педагогики и П.И. Чайковскому — как великому русскому

композитору, ставит их в ряду самых выдающихся личностей в истории музыкального искусства.

Р.С. Если П.И. Чайковский увековечен в России многими памятниками, главный из которых, созданный скульптором В.И. Мухиной, находится перед зданием Московской консерватории, то скульптурных

памятников Н.Г. Рубинштейну в Москве, за исключением памятника на могиле музыканта и барельефа в залах Московской консерватории, нет. Его музыкальные памятники — Трио П.И. Чайковского «Памяти великого художника» и кантата «Иоанн Дамаскин» С.И. Танеева. Но они доступны лишь небольшому кругу музыкантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кашкин, Н.Д.* С.И. Танеев и Московская консерватория // Муз. современник. 1916. № 8.
2. *Асафьев, Б.В.* Петр Ильич Чайковский. Его жизнь и творчество. Пг.: Мысль, 1922. 183 с.
3. Воспоминания о П.И. Чайковском. М.: Музгиз. 1962. 460 с.
4. *Чайковский, П.И.* Литературные произведения и переписка. М.: Музгиз, 1962. Т. VII. 644 с.
5. *Чайковский, П.И.* Переписка с Н.Ф. фон Мекк. М.: Academia, 1934. Т. I. 643 с.
6. *Чайковский, П.И.* Литературные произведения и переписка. М.: Музгиз, 1953. Т. II. 438 с.
7. Московская консерватория 1866–1966. М.: Музыка, 1966. 726 с.
8. *Кашкин, Н.Д.* Воспоминания о П.И. Чайковском. М.: Музгиз, 1954. 236 с.
9. *Ларош, Г.* Музыкальные очерки // «Голос». 1879. № 24.
10. *Зуэр, Э.* Кто меня сделал музыкантом (глава из книги «Мой мир») // Вопросы фортепианного исполнительства / сост. и общ. ред. М.Г. Соколова. М.: Музыка, 1976. Вып. 4. С. 11–27.
11. *Баренбойм, Л.А.* Николай Григорьевич Рубинштейн. История жизни и деятельности. М.: Музыка, 1982. 278 стр.

REFERENCES

1. Kashkin N.D. S.I. Taneyev i Moskovskaya konservatoriya [S.I. Taneyev and the Moscow Conservatory], *Muzykalniy Sovremennik = Muzykalniy Sovremennik*, 1916, No. 8. (in Russ.)
2. Asafev B.V. *Pyotr Ilyich Tchaikovsky. Ego zhizn i tvorchestvo* [Pyotr Ilyich Tchaikovsky. His Life and Work]. Petrograd, Mysl, 1922, 183 p. (in Russ.)
3. *Vospominaniya o P.I. Chaikovskom* [Memories of P.I. Tchaikovsky]. Moscow, Gosudarstvennoe Muzykalnoe Izdatelstvo, 1962, 460 p. (in Russ.)
4. Tchaikovsky P.I. *Literaturnye proizvedeniya i perepiska* [Literary Works and Correspondence]. Moscow, Gosudarstvennoe Muzykalnoe Izdatelstvo, 1962, vol. 7, 644 p. (in Russ.)
5. Tchaikovsky P.I. *Perepiska s N.F. von Meck* [Correspondence with Nadezhda von Meck]. Moscow, Academia, 1934, vol. 1, 643 p. (in Russ.)
6. Tchaikovsky P.I. *Literaturnye proizvedeniya i perepiska* [Literary Works and Correspondence]. Moscow, Gosudarstvennoe Muzykalnoe Izdatelstvo, 1953, vol. 2, 438 p. (in Russ.)
7. *Moskovskaya konservatoriya 1866–1966* [Moscow Conservatory 1866–1966]. Moscow, Muzyka, 1966, 726 p. (in Russ.)
8. Kashkin N.D. *Vospominaniya o P.I. Chaikovskom* [Memories of P.I. Tchaikovsky]. Moscow, Gosudarstvennoe Muzykalnoe Izdatelstvo, 1954, 236 p. (in Russ.)
9. Larosh G. *Muzykalnye ocherki* [Musical Essays], *Golos*, 1879, No. 24. (in Russ.)

10. Sauer E. Kto menya sdelał muzykantom (glava iz knigi “Moi mir”) [Who Made Me a Musician (a Chapter from “My World”)], *Voprosy fortepiannogo ispolnitelstva* = Issues of Piano Performance, ed. by M.G. Sokolov. Moscow, Muzyka, 1976, No. 4, pp. 11–27. (in Russ.)
11. Barenboim L.A. *Nikolai Grigoryevich Rubinstein. Istoriya zhizni i deyatelnosti* [Nikolai Grigoryevich Rubinstein. History of Life and Deeds]. Moscow, Muzyka, 1982, 278 p. (in Russ.)

Мариупольская Татьяна Геннадиевна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра музыкально-исполнительского искусства, Институт изящных искусств, Московский педагогический государственный университет, t.g.mari@mail.ru

Tatiana G. Mariupolskaya, ScD in Pedagogy, Professor, Musical and Performing Art Department, Institute of Fine Arts, Moscow State Pedagogical University, t.g.mari@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2021. Принята к публикации 01.03.2021

The paper was submitted 01.02.2021. Accepted for publication 01.03.2021